

Дебют в науке

УДК 821.161.1

Карлин Юлия Семёновна

Студентка,
Евпаторийского института социальных наук (филиал),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;
Российская Федерация, Евпатория, e-mail:julia95950@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Ю. К. ОЛЕШИ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

В статье освещаются этапы литературно-критического осмысления творчества Ю. К. Олеси. Рассмотрены различные точки зрения критиков и литературоведов о месте и роли писателя в идеологизированном культурном пространстве раннесоветского периода. Мотивированы причины непринятия художественной концепции и творческой индивидуальности Ю. Олеси первой волной критики. Раскрыт новый взгляд на литературное наследие писателя и многогранность его таланта во время второго литературно-критического периода. Проанализированы современные векторы исследования автобиографических материалов и художественных текстов Ю. К. Олеси.

Ключевые слова: Ю. К. Олеша, советская литература, литературно-критическая рецепция, миф о революции, «Три толстяка», «Зависть», «Ни дня без строчки».

Yulia. S.Karlin

Student of Yevpatoria Institute of Social Sciences (branch)
V.I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Evpatoria

LITERARY AND CRITICAL RECEPTION OF YU. K. OLESHA'S CREATIVITY IN THE CONTEXT OF THE EPOCH

Abstract. *The article highlights the stages of literary and critical understanding of the work of Yu. Olesha. Various points of view of critics and literary scholars regarding the place and role of the writer in the ideologized cultural space of the early Soviet period are considered. The reasons for the rejection of the artistic concept and creative individuality of Yu. Olesha by the first wave of criticism are motivated. A new look at the literary heritage of the writer during the second period of literary-critical perception of works is revealed, the versatility of his talent is noted. The modern vectors of research of autobiographical materials and literary texts of Yu. K. Olesha are analyzed.*

Key words: *Yu. K. Olesha, Soviet literature, literary-critical reception, myth about the revolution, “Three fat men”, “Envy”, “Not a day without a line”.*

Для цитирования:

Карлин, Ю. С. Литературно-критическая рецепция творчества Ю. К. Олеши в контексте эпохи // Гуманитарная парадигма. 2020 № 4 (15). С. 139–148.

Творчество Юрия Карловича Олеши оценивалось современниками, в том числе коллегами по писательскому цеху, чрезвычайно высоко. У знатоков литературы оно неизменно пользуется заслуженным уважением, многократно инсценировано и экранизировано в разные годы, однако парадоксальным образом остаётся малознакомым широкому кругу современного читателя. Имя автора, как правило, известно по детской сказке о революции «Три толстяка», при этом другие работы Ю. Олеши: вершинный для русской литературы XX века роман о советской интеллигенции в новых исторических условиях «Зависть», пьесы, посмертно опубликованный писательский дневник «Ни дня без строчки» — редко оказываются в поле научной рефлексии. Это тем более странно, поскольку сейчас активна републикация произведений писателя и их комментирование в рамках издания собрания сочинений. Думается, это подвигает к необходимости подвести некие итоги литературно-критической рецепции творчества Олеши и обозначить ее перспективы.

Одни исследователи (А. В. Белинков, Л. Славин) называют Ю. К. Олешу писателем только своей эпохи, другие (Б. Ямпольский, Л. Никулин) отрицают его привязанность к конкретному историческому периоду. Такое разделение точек зрения свидетельствует о масштабности и неоднозначности оценок литературного наследия писателя [9].

Можно предполагать, что сам писатель — и не без оснований — считал себя экстраординарной личностью. Подтверждение этой мысли находим в

воспоминаниях Л. Никулина. Он рассказал историю о том, как Ю. Олеша захотел купить папиросы. Из окна он окликнул торговца, но старик не увидел его и спросил, откуда тот выглядывает. Ю. Олеша ответил ему: «Я выглядываю из вечности, старик!» [4, с. 71]. Л. Никулин подчёркивает, что эта фраза была сказана писателем с особой экспрессией: «И как это было сказано! Не сказано — провозглашено!» [Там же].

Исторически обусловленной доминантой в творчестве Ю. Олеси становится тема революции. Примечательно то, что писатель отражает эпохальное событие в мифологизированной форме [9]. Это миф о разрушении мира и становлении нового. Но следует отметить, что гибель мира не оборачивается у писателя абсолютным исчезновением, но знаменует завершение определённого порядка, на смену которому приходит иной мировой уклад. Это картина деградации, в результате которой высокая культура упрощается до животного существования [9]. И. Н. Арзамасцева утверждает, что в основе литературного мифа о революции, ставшего одной из особенностей художественного творчества Ю. Олеси, лежат «нравственно-эстетическая двусмысленность революции, поразительное сближение страдания и красоты, гибели и праздника» [1]. Революция, по мнению исследователя, представала в художественном отображении Ю. К. Олеси не столько как праздник-карнавал, сколько как балаган — то есть сложное действие, которое протекало по законам гротеска и трагедии [Там же].

Критические материалы о Ю. К. Олеше по степени отражения в них соответствующего отношения к творчеству писателя, вызванного изменениями общественно-политической жизни в стране, можно разделить на два массива. Первый сформирован литературно-критическими отзывами конца 1920-х – 1930-х гг. Публикация повести «Зависть» в 1927 г. положила начало литературному феномену Ю. Олеси. Особое внимание критики уделялось её содержательной стороне, которая осмыслялась как отражение социального конфликта [12]. В. В. Бадиков, например, отметил, что «Зависть» принесла писателю литературный успех, но философская проблематика произведения вызвала волну бурных споров. Исследователь подчеркнул: полярные мнения литературоведов возникли в процессе анализа образов главных героев «Зависти» — антагонистов Андрея Бабичева и Николая Кавалерова [2].

Борьба старого и нового заключена в самих главных героях произведения Олеси, но схема этого противостояния не имела чётких очертаний. Понимание конфликта старого и нового осложнялось и неоднозначностью изложения. Недоумение вызвала неясность изображения персонажей «Зависти». Литературные критики того времени сделали акцент

на «двойственном» характере повести. А. Лежнев говорит о «колебаниях» автора по отношению к героям произведения [7, с. 213]. А. Луначарский также выразил мысль о нечёткости постановки вопросов в «Зависти»: «Трудно сказать, кому именно из действующих лиц сочувствует автор» [8]. А. М. Игнатова находит причину неоднозначного отношения писателя к главному герою: «...позиция автора по отношению к своему главному герою, Николаю Кавалерову, была неоднозначной, а следовательно, Ю. Олеша видел несколько возможных вариантов развития судьбы интеллигенции в новом мире...» [5]. Диссертант отмечает важную проблему, которую автор поднимает в «Зависти»: «...судьба маленького человека, ощущающего потерянность в новом мире, стала проблемой, волнующей Ю. Олешу» [5]. Исследователь утверждает, что писателя интересовали все основные проблемы своего времени: противопоставление двух миров – старого и нового, воспитание нового типа личности — машиноравного человека, превалирование материальных ценностей над духовными [5], обесценивание, неостребованность в строящемся социалистическом мире «полезной необходимости» внутренних богатств человека [10].

Опираясь на учение А. Бергсона, советский писатель создал особый художественный мир, лишённый всего достоверно объективного. В нём герои погрязли в потоке собственных впечатлений, которые зачастую оказывались ложными. С Иваном Бабичевым, героем «Зависти», происходит именно то, что выступает следствием из теоретической модели Бергсона: «Ведь представление о непрерывной изменчивости, текучести человеческого сознания, превращавшее его в сплошной поток без всякой „подпоры“, грозило опасностью „распадения“ личности» [3].

Общий характер критики 20–30-х гг. отражал переустройство общественной жизни. Литературные деятели, навязывая писателю свою идеологическую позицию, настаивали на том, чтобы он перестроил своё мировоззрение, идейно-художественную концепцию произведений, а также начал писать исключительно о положительных сторонах революции. Следствием такого поворота событий стало то, что Ю. Олеша признал право критиков «диктовать» правила его литературного творчества. Тон его публикаций стал оправдательным, писатель неустанно разъясняет, что именно он хотел написать, какие задачи ставил перед собой. Он предпринимает реальную попытку перестроиться и, «изъяв» своё «я» из «новых рассказов», вычёркивает себя из творчества [12].

Вторую половину 1930-х гг. можно обозначить символическим завершением первого периода литературно-критического осмысления творчества писателя. В это время в стране окончательно устанавливается

тоталитарный режим, а в литературе формируется единый поток писателей и поэтов, восхваляющих новый советский порядок.

Вторая волна критической рецепции творчества Олеши берёт начало уже после смерти писателя с 1960-х гг. и продолжается в настоящее время. В 60-е гг. XX в. статьи о писателе появляются в специальных сборниках, например, в книге «Литературная Одесса 20-х годов» (1964), а также в периодических изданиях университетов и институтов [12]. В 1965 г. была издана книга дневников Ю. Олеши «Ни дня без строчки». Это событие стало причиной многочисленных публикаций о писателе. Уникальность данного произведения открыла второе дыхание в осмыслении его таланта. Книге посвящены статьи Л. Лазарева, В. Огнева, В. Перцова, А. Урбана. Большей частью рецензентов она рассматривалась как целостное произведение, показавшее, что творческий потенциал Ю. Олеши не был исчерпан.

Литературоведы поддерживали право писателя на самовыражение. А. Б. Ноткина определяет процесс переосмысления творчества Ю. Олеши следующим образом: «Реабилитация Олеши в критике в общем и целом пошла от противного: если в период первой волны в разборах главенствовали содержательно-социальные аспекты творчества, то теперь все заговорили о словесной пластике, метафорах, — о мастерстве Юрия Олеши. Сменились предпочтения и внутри оппозиций „Зависти“, и Кавалеров стал расцениваться как выражение авторской позиции, противостоящей Андрею и Володе...» [12].

В этот период изучение творчества писателя характеризуется аргументированностью, подробностью и грамотностью разбора. Тенденция рассмотрения социального компонента в произведениях Ю. Олеши стала изучаться в контексте плана выражения.

Справедливый взгляд на творчество Ю. К. Олеши сформировался в литературном мире именно во время второй волны критики. Отмечается новаторский подход писателя к построению композиции художественного произведения. Исследователь Комия Митико утверждает, что новаторским в творческой манере Олеши оказывается приём монтажной композиции, формирование которого оказалось возможным проследить по архивным материалам [6]. Диссертант отмечает: «Мы смогли увидеть, как писатель сначала создавал разрозненные фрагменты произведения, а затем монтировал их в единый ход повествования... В стилистике „Зависти“ на первый план выходит зрительное восприятие явлений, а также приём остранения, который особенно часто передается через приём „механических глаз“, то есть благодаря восприятию действительности через отражение в зеркале или увиденной в бинокль, через очки, зафиксированной фотоаппаратом» [6]. Более того, Комия Митико видит в творчестве Ю. Олеши

черты, определяющие направление литературного процесса второго десятилетия XX в.: «...в образах братьев Бабичевых воплощена не только социальная, но и литературная проблематика двадцатых годов. Иными словами, создавая „Зависть“, писатель творил метароман, описывающий литературные взгляды, полемика которых определяла направление литературного процесса 1920-х годов. В своих героях он персонифицировал различные эстетические концепции того времени» [6].

Г. Н. Мусагитова акцентирует внимание на автобиографичности произведений писателя, рассматриваемых с точки зрения когнитивистики: «В творчестве Олеша превалируют эксплицитные эготивные модели неакционального типа с автобиографической референцией, где рефлексийные когнитивные структуры преобладают над деятельностными» [11]. Исследователь видит перспективу для дальнейшего изучения творчества Ю. К. Олеша в сопоставлении доминантных концептов его прозаических и драматических произведений [Там же]. Преобладающим же объектом изображения в творчестве писателя Г. Н. Мусагитова определяет «внутренний мир человека (представителя интеллигенции в послереволюционном государстве)... Доминантное место внутреннего мира человека как главной области художественного моделирования писателя объясняет многие особенности „организации“ текста: и композицию, и временные парадигмы, и доминантные концепты, и богатую палитру зрительных и других форм восприятия — в некоем едином ключе авторского отношения к миру и человеку» [Там же].

Анализируя особенности внутреннего мира и мировоззрения Ю. К. Олеша, следует обратиться к его книге «Ни дня без строчки», представляющей собой цикл миниатюрных зарисовок, основой которых стал автобиографический материал. Уже на первых страницах произведения писатель отмечает: «Главное свойство моей души — нетерпение... всю мою жизнь я испытывал мешавшую мне жить именно заботу... о том, что вот надо что-то сделать... то я предполагал, что это «что-то» — это роман, который надо написать, то это хорошая квартира, то очередное получение паспорта, то примирение с кем-либо... можно свести это к парадоксу, что самым трудным, что было в жизни, была сама жизнь — подождите, вот умру, и тогда уж буду жить» [13, с. 225]. Здесь необходимо сделать акцент на том, что Ю. Олеша прямо указывает на усталость от жизни, неудовлетворённость своим существованием. Но уже в следующем абзаце он отмечает противоположное: «Между тем я всегда был оптимистом и очень любил жизнь...» [Там же]. В свете этих свидетельств следует признать, что Ю. Олеша был парадоксалистом своего времени.

Следующим примечательным моментом биографии писателя можно считать встречу Ю. К. Олеси с А. А. Ахматовой. Писатель подчёркивал: «Мне приятно думать, что мы из одного края с ней... Я считаю её одним из виднейших поэтов в русском созвездии XX века...» [13, с. 358]. Более того, можно говорить о совпадении их идеологических векторов. Ю. Олеша в повести «Зависть» посредством изображения «подпольного» персонажа (Николая Кавалерова) в послереволюционной России демонстрирует недостатки советской системы, её пагубное воздействие на духовный мир человека. А. Ахматова также видела проблему во влиянии государственного устройства на судьбу народа. Неслучайным, что во время их встречи Ахматова говорила именно о взаимодействии человека и родины. Ю. Олеша вспоминал: «Она заговорила о том, в частности, что переводит „Макбета“. Там есть, сказала она, строки, где герой говорит, что его родина похожа более на мачеху, нежели на мать, и что люди на его родине умирают раньше, чем вянут цветы у них на шляпах...» [13, с. 358]. Далее писатель отмечает: «Мне очень понравились эти строки из „Макбета“... Эти строки я запомнил, и часто они приходят мне на память» [Там же].

В книге «Ни дня без строчки» Ю. Олеша открыто заявляет о своём будущем творческом успехе: «У меня есть убеждение, что я написал книгу „Зависть“, которая будет жить века. У меня сохранился её черновик, написанный мною от руки. От этих листов исходит эманация изящества. Вот как я говорю о себе!» [13, с. 360]. Далее писатель утверждает: «Безусловно, так: замечательную книгу мы читаем каждый раз как бы заново... И в этом удивительная судьба авторов замечательных книг: они не ушли, не умерли, они сидят за своими письменными столами или стоят за конторками, они вне времени» [13, с. 385]. Это дает основание говорить о том, что объектом своего литературного успеха Олеша считает повесть «Зависть», а о книгах и авторах, находящихся вне времени, упоминает по той причине, что видит себя в числе таких писателей, а свои произведения — в сокровищнице «бессмертного» творчества.

Писатель видит отражение негатива времени, в котором протекает его жизнь, в сфере литературы: «Пусть я пишу отрывки, не заканчиваю — но я всё же пишу! Всё же это какая-то литература — возможно и единственная в своём смысле: может быть, такой психологический тип, как я, и в такое историческое время, как сейчас, иначе и не может писать — и если пишет, и до известной степени умеет писать, то пусть пишет хоть бы и так» [13, с. 225]. Необходимо обратить внимание на то, что для характеристики литературы раннесоветского периода в данном контексте автор использует ключевые слова «какая-то» и «единственная». Такие определения не случайны, так как

в литературной среде, как и во всех сферах жизни 1920-х гг., происходил раскол, и сама атмосфера времени «подпитывала» духовный регресс. Незаконченность написанного, о котором говорит Ю. Олеша, также можно связывать с влиянием эпохи, с зыбкостью и неопределённостью жизненных ориентиров.

И. Н. Арзамасцева отмечает, что для творческого сознания Ю. К. Олеси характерна особенная острота восприятия исторического настоящего [1]. Исследователь подчёркивает ведущую роль эстетического подхода в непринятии писателем идеи и методов построения «новой» жизни в тоталитарном государстве: «Именно эстетический подход не позволял писателю принять социалистическую программу жизнестроительства целиком, особенно в той её части, где затрагивалось то, что было духовным достоянием самого писателя — ценности культуры» [1]. Далее автор акцентирует внимание на ненужности разносторонне развитой личности в новом советском механизме: «...строительство нового мира невозможно без нового человека — богатого свежими ощущениями, мыслями и мечтами. Однако такая решительная свобода уже не нужна была набирающему силу государству [1].

Говоря о стилистике прозы Ю. К. Олеси, на наш взгляд, следует отметить, что в ней синтезируются метафорическая иносказательность и раскрытие многосторонней реальности: «Художественный образ помимо внешнего плана изображения имеет ещё и дополнительные скрытые планы, требующие прочтения с помощью определённого кода, состоящего из культурно-исторических знаков» [1]. В этом плане творчество Ю. Олеси 1920-х гг. сравнимо с символически-семиотическим уровнем произведений В. Я. Брюсова, М. А. Булгакова, В. В. Набокова. Оно сопоставимо с той линией русской литературы, которая касается тайного в художественном наследии Н. В. Гоголя.

Итогом идейно-эстетических исканий писателя 20-х гг. XX в. является сборник «Избранное». Ю. К. Олеша, стремясь к свободе самовыражения в литературе, пытался соединить в творчестве «я» и «мы». В этой идее писатель стремился воплотить неразрывную связь личности и истории, рассмотреть своё творчество как составляющую культурно-исторического процесса. Достижение данной цели писатель видел в создании образа юного человека, который обладал бы «лучшим из того, что было в... молодости» [14, с. 9]. Распадающейся цепи времен Ю. Олеша мастерски противопоставил единство мира, человека и вечных нравственных ценностей.

Констатируем, что в раннесоветский период творчество Ю. К. Олеси было не понято, подверглось резкому осуждению, а писателя, мечтавшего о

всеобщем признании, ожидал уход из литературного мира, навязывавшего свои жёсткие правила. Тоталитарная система выстраивала литературный процесс в соответствии с установившейся идеологией. В 1920–1930-е гг. произведения писателя оцениваются критиками весьма конъюнктурно, индивидуальный творческий подход Ю. Олеши игнорируется, поскольку всякое инакомыслие расценивается как протест, непринятие установленного «нового» порядка.

Вторая волна критических материалов, берущая начало от 1960-х гг. и продолжающаяся в настоящее время, реабилитирует творчество Ю. К. Олеши. Исследователи рассматривают литературное наследие писателя многопланово, подробно анализируя поднятый им круг проблем и новаторский подход в композиционном построении художественного произведения. После падения тоталитарной системы открываются новые важные стороны писательского таланта Ю. К. Олеши. Автобиографичность произведений раскрывает особенности его внутреннего мира, сложность жизни и творческой судьбы в реалиях советской системы.

Литература

1. Арзамасцева, И. Н. Идеино-эстетические взгляды Ю. К. Олеши (На материале прозы 20-х годов): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.02. М., 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/ideyno-esteticheskie-vzglyady-yu-k-oleshi-na-materiale-prozy-20-h-godov> (дата обращения: 02.12.2020).
2. Бадиков, В. В. О стиле романа Юрия Олеши «Зависть» [Электронный ресурс] // Филологический сборник / Под. ред. Х. Х. Махмудова. Вып. 5. Алма-Ата : КГУ им. С. М. Кирова, 1966. 305 с. URL: http://lib.nkzu.kz/CGI/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=KNIGI&P21DBN=KNIGI&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fullweb&C21COM=S&S21CNR=30&S21P01=0&S21P02=1&S21P03=A=&S21STR=%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%BC%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2,%20%D0%A5.%20%D0%A5 (дата обращения: 21.10.2020).
3. Бергсон, А. Собрание сочинений: в 4 т. [Электронный ресурс]. Т. 1. М. : Московский клуб, 1992. URL: <http://dl1.fileportal-9.icu/?page=lending&dt=1&wap=no&size=no&aid=305&key> (дата обращения: 02.12.2020).
4. Воспоминания о Юрии Олеше / Сост.: О. Суок-Олеша, Е. Пельсон. М. : Советский писатель, 1975. 315 с.
5. Игнатова, А. М. Роман Ю. К. Олеши «Зависть»: история создания; опыт научного комментария: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/roman-yuk-oleshi-zavist-istoriya-sozdaniya-opyt-nauchnogo-kommentariya> (дата обращения: 26.11.2020).

6. Комия Митико. Романы Ю. К. Олеши «Зависть» и «Три толстяка» как метапроза: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01. М., 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/romany-yuk-oleshi-zavist-i-tri-tolstyaka-kak-metaproza/read> (дата обращения: 28.11.2020).
7. Лежнев, А. О «Зависти» Ю. Олеши // Литературные будни. М.: Федерация, 1929. 320 с.
8. Луначарский, А. Заговор чувств [Электронный ресурс] // Красная газета. № 74. Ленинград, 1929. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-3/-zagovor-cuvstv/> (дата обращения: 21.10.2020).
9. Маркина, П. В. Мифопоэтика художественной прозы Ю. К. Олеши: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01. Барнаул, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/mifopoetika-khudozhestvennoi-prozy-yuk-oleshi> (дата обращения: 19.10.2020).
10. Меньшикова, Е. Р. Гротескное сознание как явление советской культуры (на материале творчества А. Платонова, Ю. Олеши, М. Булгакова): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/grotesknoe-soznanie-kak-yavlenie-sovetskoi-kultury-na-materiale-tvorchestva-platonova-yu-ole> (дата обращения: 09.12.2020).
11. Мусагитова, Г. Н. Способы эксплицирования картины мира автора в прозаическом тексте: деятельностный аспект (на материале творчества Ю. К. Олеши): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01. Омск, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/sposoby-eksplitsirovaniya-kartiny-mira-avtora-v-prozaicheskom-tekste-deyatelnostnyi-aspekt-n> (дата обращения: 28.11.2020).
12. Ноткина, А. Б. Авторская концепция мира Юрия Олеши и тенденции развития русской прозы 20–30-х годов: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/avtorskaya-kontseptsiya-mira-yuriya-oleshi-i-tendentsii-razvitiya-russkoi-prozy-20-30-kh-god> (дата обращения: 21.10.2020).
13. Олеша, Ю. К. Зависть. Три толстяка. Ни дня без строчки / Вступ. ст. В. Шкловского. М.: Художественная литература, 1989. 495 с.
14. Олеша, Ю. К. Избранное. М.: Гослитиздат, 1935. 256 с.

*** Работа выполнена под руководством М. А. Шалиной, кандидата филологических наук, доцента кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиала), ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского».**